

М 69

М 69

МИХАЙЛОВСКИЙ И. В.

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ
ЮРИСТОВ.

xxx1

M-69

Т. В. Михайловскій,

1545

Профессоръ философіи права въ Томскомъ университетѣ.

БИБЛИОТЕКА
ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ
КУРСОВЪ.
ВЪ МОСКВѢ.
Учр. В. А. ПОЛТОРАЦКО

I.

КУЛЬТУРНАЯ МИССІЯ ЮРИСТОВЪ.

II.

ПРАВОВЫЯ ПРЕЛЮДІИ

КЪ ГРЯДУЩЕЙ КУЛЬТУРѢ.

Цѣна 50 коп.

ТОМСКЪ.

Типо-литографія Сибирскаго Т—ва Печати. Дѣла, уг. Дворянск. ул. и Ямск пер., с. д.

1910.

1957 г. 1999

Т.Р

38

ПРОВЕРЕНО

17466
15388 447

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ

АКТИВ

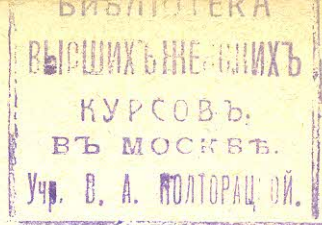
~~32~~
~~32~~

Всесоюзный
БИБЛИОТЕКА
МНОГОКОПИИ

10190

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзного
научно-исследовательского ин-та
Советского земледелия

18872.

Культурная миссія юристовъ.

(Вступительная лекція 1908 г.)

Культурное человѣчество отпраздновало только что 80-лѣтіе со дня рожденія одного изъ своихъ геніевъ—Льва Толстого. Я не буду говорить о непреходящемъ значеніи его какъ художника, давшаго такіе замѣчательные памятники искусства, какъ Анна Каренина, Война и миръ: это значеніе должны признать даже тѣ темныя силы, которыя тщетно стараются бороться съ поступательнымъ движеніемъ культуры, которыя мечутъ свои безсильныя стрѣлы въ недосягаемую для нихъ звѣзду.

Насъ съ вами, какъ юриство, особенно должна интересовать другая сторона дѣятельности Толстого. Толстой, какъ проповѣдникъ этическихъ идеаловъ, какъ мыслитель, заставилъ обратить на себя вниманіе всего культурнаго (а отчасти и некультурнаго) человѣчества, заставилъ считаться съ проводимыми имъ воззрѣніями, приобрѣлъ массу преданныхъ поклонниковъ и массу ожесточенныхъ враговъ. Все богатство, сила и глубина личности Толстого отразились въ его этическихъ произведеніяхъ. Благодаря этому они и заняли такое выдающееся положеніе въ исторіи культуры. Едва ли можно найти другого писателя, который бы съ одной стороны такъ ярко показалъ всѣ язвы, скрывающіяся подъ пышнымъ платнемъ современной культуры, а съ другой стороны—съ такой силой призывалъ бы къ великому идеалу всеобщаго братства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ творествѣ Толстого есть сторона специфически русская.

На первый взглядъ это кажется нѣсколько страннымъ. Левъ Толстой, горячій проповѣдникъ всеобщаго братства, врагъ всякаго націонализма, анархистъ, — и выразитель русскаго характера. Однако это такъ: не смотря на весь свой универсализмъ, проповѣдь Толстого носитъ специфически-русскій характеръ.

Въ чемъ же это проявляется?

А вотъ въ чемъ. Основной мотивъ проповѣди Толстого можно выразить такъ: стремитесь къ *личному* нравственному усовершенствованію, а все остальное приложится вамъ. Пусть каждый всецѣло проникнется чувствами любви и братства ко всѣмъ людямъ

—и настанетъ царство Божіе; пусть каждый передѣляетъ свой характеръ, искоренить у себя эгоистическія стремленія, пойметъ законъ Бога,—и прекратится все зло на землѣ.

Это, конечно, сама истина; споръ тутъ невозможенъ. Но обратите вниманіе на тотъ путь, который указывается для достиженія идеала. Это—*исключительно личное* самоусовершенствованіе. А если мы спросимъ—какую роль играютъ здѣсь внѣшнія условія, тѣ или инныя формы общежитія, то увидимъ, что Толстой не только не признаетъ за ними никакого значенія, но считаетъ ихъ вредными. Вся забота о внѣшнихъ формахъ общежитія, о наилучшей организаціи его, о развитіи культуры—отвлекаетъ человѣка отъ единственно важнаго и нужнаго, отъ неустанной работы надъ собою для достиженія христіанскаго идеала.

Что же тутъ специфически русскаго? спросите вы.—Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, очень полезно совершить хотя бы небольшое путешествіе въ Европу. Даже поверхностное наблюденіе европейской жизни даетъ чрезвычайно назидательныя параллели.

Когда вы пріѣзжаете въ Европу, васъ сразу охватываетъ совсѣмъ другая атмосфера, а именно атмосфера *высокой культуры*. Она сказывается во всемъ складѣ европейской жизни, во всѣхъ мелочахъ ея, начиная съ европейской таможни, желѣзно-дорожныхъ порядковъ столь непохожихъ на наши, до уличнаго движенія, массы мелкихъ удобствъ и на почтѣ, и въ магазинахъ, и въ гостинницѣ, и на улицахъ и т. д. Юриста въ особенности поражаетъ развитое чувство законности у европейцевъ, сознаніе своихъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностей. Европейецъ прекрасно знаетъ, что онъ обязанъ подчиняться не той или иной личности, не такому-то полицейскому, а закону, представителемъ котораго является полицейскій. Отсюда такое высокое сознаніе собственнаго достоинства и уваженіе къ личности. Отсюда и *уваженіе къ установленнымъ культурнымъ формамъ общежитія, къ учрежденіямъ, къ традиціямъ*. А въ результатѣ получается то спокойное, бодрое настроеніе, которымъ проникнуты европейцы, та энергія, увѣренность въ себѣ, сознаніе, что существующій строй и правопорядокъ есть дѣйствительно нѣчто весьма прочное и надежное.

Это вотъ отсутствіе нервности, торопливости, неувѣренности, опасенія за завтрашній день, недовѣрія къ правопорядку, шатанія въ разныя стороны, халатности, жизни на авось, эта культурность во внѣшнихъ отношеніяхъ людей, вѣжливость,—и есть то, что главнымъ образомъ отличаетъ европейское общество отъ русскаго и создаетъ ту здоровую атмосферу, которую не хочется покидать каждому возвращающемуся назадъ въ Россію.

Вотъ вамъ маленькій примѣръ, иллюстрирующій кое-что изъ сказаннаго. Нынѣшнимъ лѣтомъ я работалъ въ Гейдельбергѣ и между прочимъ посѣщалъ лекціи выдающагося европейскаго философа Виндельбанда. Аудиторія его всегда бываетъ переполнена (впрочемъ едва ли кто нибудь изъ нѣмецкихъ профессоровъ можетъ пожаловаться на слабое посѣщеніе его лекцій). Одинъ разъ случилось такъ, что когда Виндельбандъ сѣлъ уже на кафедру и началъ первые слова лекціи, дверь потихоньку отворилась и осторожно вошли два студента. Вся громадная аудиторія выразила свой протестъ весьма энергичнымъ образомъ и двое вошедшихъ молодыхъ людей готовы были провалиться сквозь землю. Какъ это не похоже на наши порядки (нынѣшніе)! Или возьмемъ хотя бы куреніе въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ это недозволено: европейскому студенту и въ голову не придетъ закурить папиросу въ корридорѣ университета; онъ подобную выходку назвалъ бы некультурной и недостойной человѣка, готовящагося стать въ ряды руководящей части общества. А у насъ къ величайшему сожалѣнію есть студенты, которые не смотря на вывѣшенные въ корридорахъ аншлагы, видятъ особый шикъ въ нарушеніи обязательныхъ правилъ, показывая этимъ свою распущенность и некультурность. То-же самое можно сказать и по поводу появленія въ корридерахъ въ шапкахъ, галошахъ, съ палками, свиста и пѣнія и т. п., наконецъ, по поводу столь обычнаго у насъ игнорированія чужаго сна и покоя.

Да вѣдь это все мелочи! Стоитъ ли придавать имъ такъ много значенія!— приходилось мнѣ не разъ слышать по этому поводу.— Вотъ это и есть специфически-русскій образъ мыслей. Стоитъ ли обращать вниманіе на пустяки, на внѣшность, когда мы заняты мировыми вопросами, стремимся возродить человѣчество и т. п.! А смотришь— наше общество, изобилующее интеллигентами такого рода, людьми сплошь и рядомъ съ самыми благородными сердцами, съ самыми симпатичными порывами,—это общество влачитъ жизнь сѣренькую, въ которой преобладающими типами являются „хмурые люди“, люди вѣчно недовольные, ноющіе, дѣйствующіе только на словахъ, дилеттанты, „подающіе большія надежды“, но такъ и остающіеся при этихъ надеждахъ. У насъ на словахъ готовы пересоздать весь міръ, а не умѣютъ вокругъ себя создать болѣе или менѣе сносной житейской обстановки, живутъ въ грязи, въ темнотѣ, въ антисанитарныхъ и антигигіеническихъ условіяхъ, беспомощно опускаютъ руки при каждой попыткѣ эксплуатировать ихъ или нарушить ихъ права!

А въ результатѣ примѣръ, когда мѣстность, заселенная ранѣе русскими, совершенно преобразалась во всѣхъ отношеніяхъ,

перейдя въ руки европейцевъ и даже японцевъ. На порогъ русской исторіи были произнесены злополучные слова: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“, и эти слова служатъ до сихъ поръ эпиграфомъ къ русской исторіи, а по всей вѣроятности останутся имъ еще долго. Европейецъ не задается міровыми задачами, не стремится возродить человѣчество, онъ старается создать прежде всего вокругъ себя культурную обстановку, работаетъ надъ маленькими и скромными дѣлами, а мы стремимся въ высъ, и не видимъ ничего вокругъ себя. Но поэтому-то мы и страдаемъ отъ невѣжества, отъ эпидемій, отъ голода, отъ пожаровъ, отъ плохихъ путей сообщенія, отъ недостатка безопасности даже на улицахъ большого города, отъ дикой распущенности, наглости, всевозможныхъ хищницъ, отъ отсутствія самыхъ элементарныхъ удобствъ, между тѣмъ какъ европеецъ обезпеченъ отъ этихъ золъ, а слѣдовательно имѣетъ полную возможность жить высшей духовной жизнью, *потому что эта жизнь можетъ процвѣтать только на почвѣ культуры.*

Я менѣе чѣмъ кто бы-то ни было склоненъ умалять роль личности въ исторіи культуры: эта роль громадна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ только ослѣпленный предвзятыми мыслями человѣкъ можетъ не замѣчать, какое важное вліяніе имѣетъ на личность социальная среда. Это вліяніе такъ велико, что дало основаніе для односторонней теоріи, по которой личность есть только продуктъ своей социальной группы. Въ свое время мы познакомимся съ этимъ вопросомъ подробно, а теперь я лишь отмѣчаю его для того, чтобы вы могли ясно видѣть всю неправильность ученія Толстого, будто внѣшнія формы общежитія не играютъ никакой роли въ дѣлѣ приближенія человѣчества къ идеальной цѣли—всеобщему братству.

Я сказалъ, что Толстой—проповѣдникъ, а не ученый, проповѣдникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великій художникъ. Ясно поэтому, что то, что непростительно для ученаго, совершенно естественно у Толстого: рѣзкія подчеркиванія, одностороннее освѣщеніе матеріала ради достиженія основной цѣли, субъективное отношеніе къ разрѣшаемымъ вопросамъ. Въ отвѣтахъ, даваемыхъ Толстымъ, есть истина и истина великая, но *не вся* истина. Человѣчество должно стремиться ко всеобщему братству, любовь должна проникать всѣ отношенія, насиліе должно исчезнуть и т. д. Но всему этому не только не мѣшаютъ наши театры, музеи, бібліотеки, университеты, суды, полиція, но напротивъ, безъ нихъ человѣчество *не можетъ никогда* достигнуть завѣтной цѣли.

Нашъ знаменитый философъ Вл. Соловьевъ, которымъ Россія можетъ гордиться передъ Европой, доказалъ, что дѣйствительно нравственное совершенствованіе людей происходитъ только тогда,

когда добрыя чувства отдѣльнаго человѣка не ограничиваются субъективной сферой его личной жизни, а переходятъ за ея предѣлы, сливаются съ жизнью собирательнаго человѣка, создавая нравственность общественную, объективно осуществляемую черезъ учрежденія, законы и публичную дѣятельность группъ и лицъ. Отсюда онъ выводитъ необходимость права и государства.—Вообще надо избѣгать крайностей двухъ противоположныхъ направленій. Одно говоритъ: добро вполне проявилось въ историческихъ формахъ общежитія, въ семьѣ, государствѣ, церкви. Подчинись ихъ авторитету, исполняй предъявляемые ими требованія и ты достигнешь нравственнаго совершенства. Другое утверждаетъ, что добро проявляется только въ духѣ человѣка, во внѣшнихъ состояніяхъ отдѣльныхъ существъ. Историческія формы и учрежденія подавляютъ, искажаютъ это добро, мѣшаютъ ему проявиться, т. е. эти формы полны насилія, обмана, эгоизма, одурманиванія и т. д. (моральный аморфизмъ).

Оба воззрѣнія неправильны. Первое современно забываетъ человѣческую личность, заставляетъ ее всецѣло подчиняться внѣшнему авторитету; оно забываетъ, что историческія формы общежитія цѣнны *не сами по себѣ, а какъ реализація добра*, т. е. значить—по скольку на нихъ воплотилась верховная идея блага. Но второе воззрѣніе, пожалуй, еще болѣе неправильно: добро можетъ проявляться только въ общежитіи, т. е. въ тѣхъ или иныхъ историческихъ формахъ его; эти формы, такимъ образомъ, представляютъ собою *необходимое условіе* для добра.

Когда Вольтеръ получилъ присланное сочиненіе Руссо съ горячими нападеніями на культуру и съ призывами возвратиться къ первобытной простотѣ, онъ написалъ автору, что послѣ прочтенія его книги является сильнѣйшее желаніе ходить на четверенькахъ.

И дѣйствительно: неизчерпаемое богатство человѣческаго духа раскрывается только въ культурѣ, и отрицаніе культуры, уничтоженіе ея, было бы возвращеніе людей къ чисто-животному существованію.

Теперь возникаетъ вопросъ: а какія условія необходимы для процвѣтанія культуры? Отвѣтъ даетъ уже вся исторія человѣчества: *ведетъ и всегда высокая степень культуры соединялась съ высокой степенью развитія общественной организаціи*. Только на почвѣ правильной общественной организаціи, внѣшней и внутренней безопасности, обезпеченности правъ личности *и твердости правопорядка* возможна та спокойная жизнь, жизнь содержательная, которая даетъ импульсы и къ научному, и къ художественному творчеству, и къ практической дѣятельности, одухотворенной идеа-

лами. А наиболѣе пригодной почвой для развитія права, какъ это показала исторія, является государство. Вообще надобно съ большимъ уваженіемъ и вниманіемъ относиться къ урокамъ исторіи, къ вѣковымъ традиціямъ и учрежденіямъ: въ нихъ всегда мы откроемъ элементы истины, не смотря на всё уклоненія, наслоенія, которыми нерѣдко закрыты эти элементы.

Что было бы безъ государства съ его принудительнымъ аппаратомъ, мы не знаемъ; но мы отлично знаемъ, что *вся человѣческая культура возникла на почвѣ государства*. А эта культура не смотря на свои темныя стороны заключаетъ въ себѣ такую массу цѣннаго, непреходящаго, такую массу свѣта, что передъ нимъ исчезаютъ эти темныя стороны. Кромѣ того факты даютъ намъ очень назидательныя указанія, позволяющія дать отвѣтъ на вопросъ, что было бы безъ государства; каждый разъ, когда въ исторіи человѣчества мы видимъ распадъ государственной жизни, во времена внутреннихъ потрясеній, революцій, анархіи,—мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ упадокъ культуры съ одной стороны и устрашающее развитіе звѣря въ человѣкѣ съ другой. Философское же изслѣдованіе вопроса вполне подтверждаетъ выводы, которые получаются отъ наблюденія фактовъ. Это изслѣдованіе показываетъ, что государство есть во 1-хъ) *необходимый* продуктъ соціальной жизни, такое же неизбѣжное, независящее отъ воли человѣка явленіе, какъ явленія природы, а во 2-хъ) что это явленіе имѣетъ глубоко-разумныя основы какъ въ природѣ человѣка, такъ и въ природѣ того верховнаго нравственнаго порядка, частью котораго является духъ человѣка.

Отрицать государство потому, что сплошь и рядомъ отъ его имени творится голое насиліе и произволъ, что оно не можетъ излѣчить всѣхъ соціальныхъ золъ, это все равно, что отрицать искусство потому, что существуютъ порнографическія книги и картинки или такія отвратительныя учрежденія, какъ „кафе-шантаны“, гдѣ на подмосткахъ передъ пьянцами посѣтителеми протитутуируется искусство. Великая идея искусства нисколько неповинна въ томъ, что ею прикрываютъ публичные дома, но точно также великая идея государства не имѣетъ ничего общаго съ произволомъ администраторовъ, ставящихъ свою волю выше закона и всякое несогласіе со своими мнѣніями объявляющихъ разрушеніемъ государственныхъ основъ.

Что же касается невозможности для государства излѣчить всѣ соціальные недуги, сдѣлать всѣхъ людей счастливыми, уничтожить пауперизмъ и т. д., то эта невозможность опять таки нисколько не говоритъ противъ идеи государства. Государство и не можетъ брать

на себя такихъ задачъ, это не его дѣло. Государство должно только создать твердую, надежную почву для культуры, должно обезпечить возможность истинно—человѣческаго существованія. Но оно не можетъ и не должно быть нянькой для взрослыхъ людей, не можетъ замѣнить личной инициативы. Государство есть форма; она наполняется содержаніемъ, которое дается личною и общественною дѣятельностью гражданъ.

Вотъ тутъ обширное поле для развитія всѣхъ индивидуальных силъ, для нравственнаго самоусовершенствованія человѣка. Только надо твердо помнить, что все это возможно лишь на почвѣ права и самаго надежнаго охранителя права—государства. А право по своей идеѣ вовсе не есть продуктъ государства; напротивъ, оно стоитъ надъ государствомъ, и само государство возникло на почвѣ права. Право есть то, что ограничиваетъ всемогущество государства, что гарантируетъ личность отъ поглощенія ея государствомъ, *а значитъ, что даетъ возможность личности развиваться, усовершенствоваться и стремится къ христіанскому идеалу.*

Изъ этого вы видите, что право есть основа государственной и общественной жизни. Если эта основа здорова, мы имѣемъ важнѣйшее условіе для развитія культуры.—Само собою разумѣется, все сказанное мною о правѣ не надо понимать въ томъ смыслѣ, что право есть причина, а всѣ остальные проявленія социальной жизни—слѣдствія, что стоитъ только слѣдовать надлежащія измѣненія въ правопорядкѣ, чтобы въ результатѣ получились соответствующія измѣненія социальной жизни. Право есть только одинъ изъ факторовъ культуры. Онъ находится въ постоянномъ *взаимодействіи* съ другими факторами: экономикой, религіей, политикой, наукой, искусствомъ и т. д. Но несомнѣнно, что среди всѣхъ факторовъ культуры право занимаетъ особо—важное мѣсто, и что здоровая правовая жизнь есть лучшій показатель здоровой социальной жизни.

А отсюда ясна и важная роль слугителей права—юристовъ. Съ древнѣйшихъ временъ мы видимъ, что въ сознаніи народовъ эта роль цѣнилась очень высоко; древнѣйшіе юристы были вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами, служеніе праву и служеніе Богу было однимъ и тѣмъ же дѣломъ. И черезъ всю исторію культуры красною нитью проходитъ мысль, что служеніе праву, справедливости, является такимъ моментомъ государственной жизни, которой именно придастъ этическій характеръ идеѣ государства. Это служеніе есть сдерживающій элементъ, не позволяющій власти злоупотреблять своею силой, заставляющій силу подчиняться праву. Такъ, еще въ

древнемъ Египтѣ, гдѣ царская власть была безгранична, гдѣ царь считался въ полномъ смыслѣ слова земнымъ Богомъ, члены верховнаго суда при вступленіи въ должность давали присягу не повиноваться незаконнымъ приказамъ царя. Тотъ же самый принципъ проявляется въ знаменитомъ отвѣтѣ французскихъ судей Людовику XIV, когда онъ требовалъ рѣшенія дѣла въ желательномъ для него смыслѣ: „государь, судъ постановляетъ приговоры, но не оказываетъ услугъ“. А вѣдь есть немало неизвѣстныхъ исторіи именъ судей и чиновниковъ, честно исполнявшихъ свой долгъ, поставившихъ служеніе праву выше требованій временныхъ носителей власти и пострадавшихъ за это. Честь и слава этимъ незамѣтнымъ героямъ долга, они дѣлали великое дѣло!

Итакъ, юристы, какъ служители права, являются культурными работниками величайшей важности.—Въ своемъ чистомъ видѣ это служеніе проявляется въ судѣ. Но юристы нужны государству не только какъ судебные дѣятели. Судъ есть хотя и важнѣйшее поле для дѣятельности юристовъ, но не единственное. Огромная область административной работы государства, внутреннее управленіе, нуждается въ юристахъ, для того, чтобы сложныя и отвѣтственныя задачи управленія, задачи подъ часъ очень щекотливыя, требующія большого такта, были бы выполнены въ согласіи съ принципами права, чтобы управленіе носило бы правовой характеръ, а не личнаго усмотрѣнія. Еще старикъ Платонъ прекрасно развилъ мысль о необходимости спеціальной подготовки для лицъ, которымъ ввѣрено такое трудное и важное дѣло, какъ управленіе государствомъ. И мы видимъ, что чѣмъ дальше; тѣмъ больше культурныя государства начинаютъ проникаться этой мыслью: административныя должности ввѣряются юристамъ, и только отсталыя государства продолжаютъ отдавать предпочтеніе военнымъ людямъ, не желая понять существенной разницы между командованіемъ полкомъ и управленіемъ губерніей.—Не менѣе важна роль юристовъ и въ третьей великой отрасли государственной дѣятельности-законодательствѣ. Современное законодательство—это въ высшей степени трудное и сложное дѣло, требующее массы спеціальныхъ знаній. Сдѣлать выразить въ текстѣ закона назрѣвшее общественное правосознаніе, отличить въ этомъ правосознаніи здоровыя и согласныя съ идеей права моменты отъ заблужденій, правильно редактировать законъ и привести его въ связь со всею системой дѣйствующаго права,—это такая задача, рѣшеніе которой подъ силу только опытному и образованному юристу.

Но если посвященные юристы нужны каждому государству, то въ особенности они необходимы Россіи. Формально мы живемъ

въ обновленномъ государственномъ строѣ, но по существу все осталось по прежнему. Никакія бумажныя конституціи, никакіе законы не могутъ перевоспитать общество, вѣками воспитанное въ атмосферѣ безправія. Только сильно развитое чувство законности, уваженіе къ личности, уваженіе къ праву создаютъ крѣпкій, надежный фундаментъ государственнаго строя, и это настроеніе, господствующее въ обществѣ, гораздо надежнѣе охраняетъ правопорядокъ, чѣмъ томы законовъ, бессильно стоящихъ на полкахъ библіотекъ и присутственныхъ мѣстъ. Слишкомъ хорошо извѣстна правовая дряблость русскихъ, отсутствіе ярко выраженаго чувства законности. Это проявляется въ различныхъ направленіяхъ, одинаково печальныхъ: и въ предпочтеніи поступать „по душѣ“ вмѣсто того, чтобы подчиняться закону, и въ нежеланіи законными путями защищать свое право, и въ отождествленіи воли отдѣльныхъ носителей власти съ правомъ, и въ томъ пугливомъ настроеніи, которое характеризуется формулой „моя хата съ краю“, и въ томъ хулиганствѣ, которое такъ непріятно поражаетъ европейца при видѣ систематическаго, а нерѣдко и демонстративнаго нарушенія законовъ и обязательныхъ постановленій, а также при видѣ общей тенденціи дѣйствовать „захватнымъ правомъ“. Это находится въ самой тѣсной связи съ характернымъ для россиянина крайнимъ радикализмомъ. Европейцы, даже изъ наиболѣе живыхъ, впечатлительныхъ и экспансивныхъ націй, никогда по общему правилу не могутъ такъ подчиниться новымъ идеямъ, чтобы сразу отбросить, какъ ненужный и вредный хламъ несогласныя съ ними вѣковыя учрежденія и традиціи. Они чувствуютъ, что въ этомъ наслѣдіи вѣковъ всегда хранятся элементы истины. Между тѣмъ у насъ каждая новая идея сразу овладѣваетъ умами и сердцами до такой степени, что все, несогласное съ ней отвергается, адепты новой идеи готовы сейчасъ же кореннымъ образомъ перестроить весь міръ по рецепту модной идеи. Объ уваженіи къ мнѣніямъ противниковъ, объ уваженіи къ вѣковымъ традиціямъ нѣтъ и рѣчи! Все это едва ли свидѣтельствуешь о высокой культурѣ.

Огромная масса работы предстоитъ обновленной Россіи и для укрѣпленія новаго государственнаго строя, и для воспитанія въ обществѣ чувства законности. Нашимъ юристамъ поставлена исторіей великая задача, и вся будущность Россіи зависитъ отъ того, какъ они ее разрѣшатъ. Да, земля наша дѣйствительно велика и сбильна, мы богаты и духовными силами, въ характерѣ русскаго народа есть въ высокой степени цѣнныя качества. Но пока не будетъ „порядка“, о которомъ говорилъ на порогѣ нашей исторіи Гостомысль, пока мы будемъ все дѣлать только „по душѣ“, будемъ

надѣяться на наше универсальное „авось“, не поймемъ всей громадной важности организаціи и прочнаго правопорядка, до тѣхъ поръ всѣ таящіяся въ русскомъ духѣ сокровища не выведутъ Россію изъ состоянія государства отсталого, некультурнаго.

Само собою разумѣется, что та задача, о которой я говорю, можетъ быть выполнена далеко не всякими юристами, а только дѣйствительно научно—образованными, а единственный путь для полученія такого образованія есть университетъ. Къ сожаленію въ нашемъ обществѣ распространено мнѣніе, что юридическій факультетъ есть самый легкій изъ всѣхъ факультетовъ. Мнѣніе это раздѣляется и многими студентами, а печальные факты нашей академической жизни даютъ достаточный матеріалъ для подтвержденія такого заблужденія. Я разумю частые случаи, когда студентъ, ничего не дѣлавшій въ теченіи пребыванія въ университетѣ, вызубривалъ передъ экзаменами конспекты и учебники, и благодаря непростительной снисходительности экзаменаторовъ получалъ дипломъ. До чего развращающе дѣйствуютъ такіе примѣры вы можете видѣть изъ того, что не такъ давно нашъ факультетъ разсматривалъ прошеніе студента—медика, который наивно заявилъ, что вслѣдствіе слабости здоровья и болѣзни глазъ врачи запретили ему серьезный умственный трудъ, а посему онъ и проситъ перевести его на юридическій факультетъ.

Мнѣ нечего и говорить вамъ, что дипломы, полученные такимъ путемъ, не имѣютъ никакой цѣнности, что обладатели ихъ—вовсе не научно—образованные юристы, а жалкіе недоучки, погруженные по словамъ Сократа въ двойное невѣжество: во 1-хъ они ничего не знаютъ, а въ 2-хъ они думаютъ, что что-нибудь знаютъ. Эти люди и сами не знаютъ, что такое право, и не могутъ другимъ внушить ничего, кромѣ пренебрежительнаго отношенія къ наукѣ права. И, конечно, не такіе „юристы“ содѣйствуютъ культурному возрожденію страны! Наоборотъ: они являются тормазами культуры; изъ нихъ главнымъ вербуются кадры тѣхъ чиновниковъ, которые готовы совершить самую вопіющую несправедливость, продать свою совѣсть для карьеры.

Проводить въ жизнь свѣтлую идею права могутъ только тѣ юристы, которые приобщились къ этой идеѣ, которые сами стремились къ ней. А это сопряжено съ большимъ и напряженнымъ трудомъ. Юридическій факультетъ по своей идеальной задачѣ—самый трудный изъ всѣхъ факультетовъ. Уже одно только догматическое знакомство съ положительнымъ правомъ и приобрѣтеніе юридическаго мышленія требуетъ упорной работы. Но вѣдь это только одна малая часть науки права и далеко не самая важная.

Историческій генезисъ правопорядка и его социальныя основы—это задачи уже болѣе сложныя и трудныя для изучающаго науку права. Но въ концѣ всего является философское пониманіе права, какъ части общаго этическаго порядка. Это самая трудная сторона въ научныхъ занятіяхъ юриста. Приблизиться къ созерцанію идеи права можетъ человѣкъ только послѣ очень долгаго искуса, *для котораго университетъ служитъ лишь первою ступенью...*

Но только путемъ стремленія къ этой идеѣ мы можемъ понять право въ его этической основѣ, только тогда мы не будемъ смѣшивать права и насилія, произвола, будетъ ли этотъ произволъ исходить отъ одного, отъ многихъ, отъ всѣхъ. Только тогда мы поймемъ, что право вовсе не есть орудіе въ рукахъ деспотизма, не есть средство для угнетенія большинства меньшинствомъ или наоборотъ, а есть идеальное начало, благодаря которому ставятся границы насилію, благодаря которому сила изъ госпожи превращается въ служанку. И само собою разумѣется, несравненно легче понять періодическую систему Менделѣеву, законъ тяготѣнія, теорію Дарвина, Лапласа, Вейсмана, Ламарка и т. п., чѣмъ понять, что надъ государствами стоитъ высшій этическій порядокъ, частью котораго является право, что государство связано этимъ порядкомъ и вовсе не является всемогущимъ Левиаганомъ, передъ которымъ ничтожны всѣ права личности.—Этихъ положеній невозможно доказать не только съ математическою точностью, но даже и съ такою точностью, которую мы видимъ въ естествознаніи или въ догматической юриспруденціи. Только глубокое знакомство съ философіей въ связи съ основательной исторической, социологической и чисто—юридической подготовкой даетъ возможность понять такой порядокъ.

А для этого необходимо, чтобы студентъ—юристъ все время своей университетской жизни непрерывно и планомѣрно работалъ, памятуя, что потеряннаго въ эти годы уже никогда нельзя вознаградить. Четыре года такой работы закаляютъ его умъ, дадутъ прочную основу для выработки міровоззрѣнія и наложатъ неизгладимый отпечатокъ на его духъ, отпечатокъ того духовнаго благородства, который никогда не позволитъ темнымъ силамъ жизни окончательно стереть его.

Только не надо думать, что такіе результаты получатся и при односторонней, узко—практической работѣ. Университетъ вовсе не предназначенъ для подготовки чиновниковъ—практиковъ; обученіе техникѣ различныхъ дѣлопроизводствъ, примѣненія законовъ и т. п. — вовсе не дѣло университета. Мы имѣемъ дѣло только съ чистой наукой. Только стремленіе къ наукѣ должно быть руководя-

щимъ мотивомъ всей работы студента. И здѣсь съ полнымъ основаніемъ можно сказать: „стремитесь къ истинѣ, а все остальное приложится вамъ“. Это путь долгій и трудный но единственно вѣрный.

Мнѣ вспоминается великолѣпное зданіе университетской библиотеки въ Гейдельбергѣ. По обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей находятся скульптурныя группы. Группа направо изображаетъ науку въ видѣ прекрасной женщины, съ головы до ногъ закутанной въ покрывало. Передъ нею на колѣняхъ стоитъ юноша. Женщина открыла свое лицо и юноша въ восторгѣ смотритъ на него... Далеко не сразу и далеко не каждому удастся снять небольшую часть покрывала съ этой дивной женщины, но тотъ, кто увидѣлъ только лицо ея, падаетъ въ восторгѣ на колѣни.

Въ заключеніе напомнимъ вамъ: 1) что юристъ долженъ быть все-сторонне образованнымъ человѣкомъ, а не узкимъ специалистомъ и 2) что наука не имѣетъ ничего общаго съ политикой.

Кто желаетъ изучать науку права, долженъ совершенно отрѣшиться отъ какихъ бы то ни было политическихъ симпатій и антипатій. Политическія страсти способны только извратить науку и создавать тѣ пародіи на нее, которыя мы видимъ въ огромной массѣ партійныхъ статей и брошюръ, наводняющихъ современную политическую литературу. Передъ вами, какъ будущими служителями права, должна быть только одна политика: стремленіе къ правдѣ—истинѣ и правдѣ—справедливости. Этихъ надежныхъ маяковъ вамъ довольно на всю жизнь. Смотрите же на нихъ постоянно и вашъ научный корабль пойдетъ къ царству свѣта, а будущая практическая дѣятельность дасть Россіи то, въ чемъ она такъ нуждается!

Правовыя прелюдіи къ грядущей культурѣ.

(Вступительная лекція 1909 г.)

Въ 1878 году въ засѣданіи парижской академіи наукъ произошла слѣдующая сцена.

Передъ многочисленнымъ собраніемъ ученыхъ физикъ дю-Мусель демонстрировалъ фонографъ Эдиссона. Когда послѣ предварительныхъ объясненій докладчика заговорилъ фонографъ, изъ рядовъ ученыхъ поднялся престарѣлый академикъ Буйло. Глубоко возмущенный, онъ бросился на представителя Эдиссона, схватилъ его за горло и закричалъ: „Вы шарлатанъ! Неужели вы думаете, что насъ можетъ одурачить всякій чревовѣщатель!“ А черезъ $\frac{1}{2}$ года тотъ же ученый въ засѣданіи той же академіи, познакомившись ближе съ фонографомъ, высказалъ убѣжденіе, что этотъ аппаратъ есть ничто иное, какъ искусное чревовѣщаніе. „Вѣдь нельзя же допустить, сказалъ Буйло, чтобы дрянный металлъ могъ воспроизводить благородные звуки человѣческаго голоса“. Итакъ 30 лѣтъ тому назадъ одно изъ свѣтилъ науки не допускало возможности того, что кажется столь простымъ каждому современному школьнику. — И случаевъ подобнаго рода исторія культуры знаетъ слишкомъ много: почти каждая страница этой исторіи даетъ весьма назидательные образцы. Еще въ 1806 г. членъ парижскаго Института Мерсье написалъ книгу, въ которой отвергалъ самую допустимость мысли, чтобы земля могла вращаться „подобно индюку вокругъ вертела“. Въ 1853 г., когда былъ предложенъ проектъ подводнаго кабеля между Европой и Америкой, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ въ области физики, проф. политехнич. Института Бабинэ писалъ, что вся теорія электрическаго тока служитъ неопровержимымъ доказательствомъ невозможности подобнаго предпріятія. Огюсть Контъ, основатель нынѣ все еще господствующаго позитивизма, весьма рѣшительно писалъ, что „мы никогда не найдемъ средства опредѣлить химическій составъ небесныхъ свѣтилъ“. А черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти, въ 1852 году

было сдѣлано одно изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго ума,—открытъ спектральный анализъ. И т. д., и т. д. до безконечности.

Тысячной части всѣхъ такихъ примѣровъ достаточно, чтобы разрушить догматъ позитивизма о томъ, что для человѣческаго разума существуютъ границы, перейти которыя онъ никогда не можетъ. Примѣры эти должны также служить предостереженіемъ для ученыхъ, склонныхъ съ высоты своего олимпійскаго величія объявлять нелѣпостью все, что не вмѣщается въ кругъ признанныхъ положеній. Примѣры эти, наконецъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ существованія прогресса въ исторіи культуры.—И если мы сравнимъ современную культуру съ ея паромъ, газомъ, электричествомъ, и культуру хотя бы эпохи Спинозы и Лейбница, то получатся прямо таки поразительные результаты: человѣкъ 17 вѣка, очутившійся въ современномъ Парижѣ или Лондонѣ, подумалъ бы, что какая нибудь фея перенесла его въ волшебное царство... Поразительно быстрыми шагами идетъ впередъ современная культура. Жизнь все болѣе усложняется, пульсъ ея бьется все сильнѣе, и современный человѣкъ среди всей этой лихорадочной погони за счастьемъ, среди всей этой богатой культуры, начинаеть завидовать крѣпкимъ нервамъ человѣка прошлыхъ культурныхъ эпохъ, его цѣльности, его прочному міровоззрѣнію.

Если бы спросить, въ чемъ преимущественно проявляется современная культура?—отвѣтъ ни для кого не былъ бы сомнителенъ. *Техника*, — вотъ та область, которая характеризуетъ нашу культуру. Блестящій расцвѣтъ современной техники приводитъ въ восхищеніе каждаго наблюдателя, а неизмѣримо широкія перспективы, которыя открываются для дальнѣйшихъ успѣховъ техники, наполняютъ насъ гордостью: могущество человѣческаго ума проявляется здѣсь наиболѣе осязательнымъ, для всѣхъ очевиднымъ образомъ.

И старшая сестра этой господствующей нынѣ отрасли человѣческаго духа, чистая наука, отступаетъ на второй планъ. Нагляднымъ выраженіемъ такого соотношенія могутъ служить великолѣпныя зданія, обстановка и средства большинства современныхъ высшихъ техническихъ школъ рядомъ со скромными зданіями, обстановкой и средствами большинства университетовъ. Замѣчается даже тенденція политехникума поглотить университетъ. Я-бы назвалъ эту тенденцію самой характерной чертой современной культуры, ея скрытымъ лейтмотивомъ: наука и техника должны объединиться въ стремленіи къ одной цѣли—завоеванію природы человѣкомъ, и въ этомъ объединеніи наука должна играть

подчиненную роль, она должна быть орудіемъ въ рукахъ техники. А завоеваніе природы человѣкомъ совершается на нашихъ глазахъ: шагъ за шагомъ человѣкъ подчиняетъ ее себѣ и выражаются уже надежды, что современемъ человѣкъ станетъ господствовать не надъ одной только нашей планетой. Самой блестящей побѣдой является совершившееся только что завоеваніе воздуха: дирижабли, аэропланы и т. п. летательные аппараты создадутъ новую эпоху во многихъ отношеніяхъ. Недаромъ императоръ Вильгельмъ II назвалъ Цеппелина „величайшимъ нѣмцемъ XX ст.“... Величайшимъ нѣмцемъ 19 ст. былъ Гегель, а величайшимъ нѣмцемъ 20 ст. оказывается не философъ, а человѣкъ техники.

Я сказалъ, что завоеваніе воздуха создаетъ новую эпоху во многихъ отношеніяхъ. Наиболѣе назидательнымъ и характернымъ для современной культуры является слѣдующій фактъ. Въ нѣмецкихъ газетахъ мы читаемъ, что германское правительство предполагаетъ просить у парламента кредитъ въ 100 мил. для постройки цѣлага воздушнаго флота военныхъ кораблей и сооруженія соответствующихъ станцій. Въ Германіи и Франціи имѣется уже довольно много орудій разрушенія новаго типа; во всѣхъ другихъ государствахъ начинаютъ строить воздушные корабли съ военными цѣлями; въ Англіи возникаютъ даже сомнѣнія относительно цѣлесообразности дальнѣйшей постройки броненосцевъ; появляются спеціальныя сочиненія о воздухоплавани въ его примѣненіи къ цѣлямъ войны. Человѣчество такъ далеко ушло впередъ по части взаимнаго истребленія людей, что сраженія прежнихъ культурныхъ эпохъ кажутся теперь дѣтскими играми. А до чего люди дойдутъ, когда на сцену появятся воздушные военные корабли?

Кто хочетъ представить себѣ эту картину, пусть прочтетъ послѣдній романъ умнаго, талантливаго и чуткаго Уэллса „Война въ воздухѣ“. Яркими красками авторъ изображаетъ всемірную войну XX ст., всеобщее разрушеніе и гибель всей культуры на землѣ, гибель, совершившуюся въ нѣсколько лѣтъ. Вспоминаются слова Ницше: „мы живемъ въ такое время, когда культурѣ угрожаетъ опасность погибнуть отъ средствъ, употребляемыхъ культурой же“. Я профанъ въ военномъ дѣлѣ и не могу судить, на сколько правильны съ технической точки зрѣнія предсказанія Уэллса. Возможно, что успѣхи техники повлекутъ за собой надежныя средства противъ воздушныхъ кораблей. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что къ современнымъ разрушительнымъ орудіямъ прибавляются новыя, съ еще болѣе разрушительными эффектами. Прогрессъ техники идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ возможности все большаго и большаго истребленія и разрушенія. Уэллсъ въ

эпилогъ своего романа называетъ современную цивилизацію машинной: великая технически, но жалкая и хищническая по внутренней сущности своей она была обречена на гибель. Человѣкъ XX ст., гордый всѣми окружающими его результатами многовѣковой культуры, не допускалъ и мысли о возможности гибели этой культуры. Смертность значительно уменьшилась, продолжительность человѣческой жизни увеличилась, общая интеллигентность человѣчества поднялась на небывалую высоту, люди шли гигантскими шагами впередъ; они вѣрили, что завоюютъ мірозданіе и этотъ крахъ, это банкротство цивилизаціи застигло всѣхъ врасплохъ: цивилизація сгорѣла въ огнѣ войны. Цивилизація взлетѣла на воздухъ, она побѣдила воздухъ, достигла страстной мечты Икара,—и изъ небесья рухнула на землю, разлетѣвшись на мелкіе куски...

Произведеніе Уэллса—не ученый трактатъ, и у художника неизбѣжны преувеличенія и сгущеніе красокъ. Но несомнѣнно, чуткій романистъ подмѣтилъ, что въ современной культурѣ далеко не все обстоитъ благополучно, что за внѣшнимъ ея блескомъ скрывается очень много зла. Есть много правды въ его опредѣленіи: великая технически, но жалкая и хищническая по внутренней сущности своей. Съ этимъ опредѣленіемъ согласился бы вполне и гениальный писатель, къ голосу котораго прислушивается все культурное человѣчество—Л. Н. Толстой. Нигдѣ такъ ярко, сильно и глубоко не изображена вся неправда современной культуры, какъ у Толстаго. Всѣмъ извѣстно и отношеніе его къ праву и государству: стремленія къ достиженію политической свободы, къ ограниченію деспотизма, къ лучшей организаціи учреждений, къ лучшему законодательству, суду и управленію,—все это по его мнѣнію ненужное и вредное дѣло, такъ какъ увлеченіе всѣми этими задачами ставитъ передъ людьми губительную иллюзію соціального улучшенія посредствомъ внѣшнихъ формъ и такимъ образомъ останавливаетъ истинный прогрессъ. Истинное соціальное улучшеніе можетъ быть достигнуто только религіозно-нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей... Мнѣ уже приходилось не разъ указывать, что въ Толстомъ художникъ и проповѣдникъ преобладаютъ надъ мыслителемъ и что отсюда происходитъ то рѣзкое сгущеніе красокъ и та односторонность, которые мы замѣчаемъ въ его философско-публицистическихъ работахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не зачѣмъ повторять, что Л. Толстой великъ даже въ своихъ заблужденіяхъ: онъ раскрываетъ намъ глаза на многое, чего бы мы не замѣтили или къ чему бы мы отнеслись не съ надлежащимъ вниманіемъ; наконецъ, онъ напоминаетъ намъ о цѣнностяхъ, имѣющихъ абсолютный характеръ.—А его суровое, рѣзкое мнѣніе о правѣ и государ-

ствѣ имѣеть болѣе глубокия основы, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

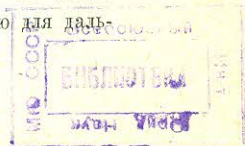
08101

Это мнѣніе съ одной стороны обусловлено первороднымъ грѣхомъ государства—насиліемъ, а съ другой по справедливому замѣчанію проф. Новгородцева въ его вышедшей въ этомъ году замѣчательной книгѣ *)—находится въ тѣсной связи съ глубочайшими сомнѣніями современнаго правосознанія. Что современное правосознаніе переживаетъ кризисъ,—это ясно каждому вдумчивому наблюдателю. Къ государству предъявляется цѣлый рядъ запросовъ, отъ него ждуть разрѣшенія многихъ идеальныхъ задачъ, а очень многіе изъ этихъ запросовъ оказываются неудовлетворенными, очень многія задачи оказываются неразрѣшенными. Неизбѣжно разочарованіе, тѣмъ болѣе, что силою и рядомъ дѣятельность государства принимаетъ уродливыя формы. И вотъ, какъ выраженіе этого разочарованія, какъ симптомъ переживаемаго кризиса правосознанія, появляется рядъ работъ, посвященныхъ критикѣ и нерѣдко критикѣ острой, беспощадной, современнаго государства и его учреждений. Еще у Гегеля государство было какимъ-то земнымъ богомъ, воплощеніемъ нравственной идеи подобно государству Платона и Аристотеля. А теперь стали весьма сдержанно относиться къ культурной миссіи государства; теперь право не считается уже всеисцѣляющимъ средствомъ, какимъ его считали, напимѣръ, дѣятели великой французской революціи, мечтавшіе переродить человѣчество при помощи государственныхъ учреждений.

Возникаютъ вопросы: какой смыслъ переживаемаго нами кризиса? Чѣмъ онъ окончится? Будетъ ли это полное крушеніе идеи праваго государства? Будетъ ли это возвращеніе къ старымъ порядкамъ абсолютизма? Или это будетъ замѣна современнаго праваго государства новыми формами общежитія? А такія формы рисуются уже приверженцами иныхъ общественныхъ идеаловъ: социализма, анархизма, теократіи.

Изъ этихъ вопросовъ легче всего отвѣтимъ на вопросы о возвращеніи къ старымъ формамъ абсолютизма: исторія не повторяется и разъ пережитая государственная форма уже не можетъ никогда возродиться. Она была пригодна и необходима на извѣстной ступени культуры, для извѣстнаго уровня развитія личности, и разъ эти условія больше не существуютъ, ее нельзя вернуть къ жизни.

*) „Кризисъ современнаго правосознанія“. Это лучшая изъ книгъ по нашей наукѣ, появившихся за послѣднее время въ Европѣ. Я широко пользуюсь ею для дальнѣйшаго изложенія.

Итакъ остается вопросъ о замѣнѣ современнаго правоваго государства другими, новыми формами. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ утвердительно, надо прійти къ заключенію, что идея правоваго государства потерпѣла полное банкротство и что на протяженіи многолѣтней исторіи культуры мыслители начиная Платономъ и кончая Гегелемъ заблуждались.

Обращаясь къ этому вопросу, мы прежде всего видимъ, что аналогичные кризисы происходили въ исторіи культуры и оканчивались не крушеніемъ идеи государства, а ея восполненіемъ и углубленіемъ. Это между прочимъ свидѣлствуетъ намъ о томъ, что исторія культуры развивается по извѣстнымъ законамъ, имѣетъ свой ритмъ. И въ этихъ законахъ, въ этомъ ритмѣ раскрывается сущность тѣхъ или другихъ идей. Въ интересующемъ насъ вопросѣ мы можемъ сказать, что идея государства имѣетъ глубокія основы въ природѣ вещей, и о полномъ банкротствѣ ея говорить можно только по недоразумѣнію: если вся культура развилась на основѣ государства, то очевидно, что отрицать государство, значить отрицать культуру. Такое отрицаніе и призывъ къ опрощенію бывали въ теченіи исторіи культуры не разъ и всегда послѣ ближайшаго анализа оказывалось, что эти призывы не затрагивали глубочайшей сущности культуры, не говоря уже о томъ, что попытки принципиальнаго отрицанія культуры были бы равносильны отрицанію цвѣтовъ и плодовъ на растеніяхъ: какъ развитіе растенія, такъ и развитіе духовной жизни человѣчества въ ея произведеніяхъ совершается по незыблемымъ законамъ, измѣнить которые человѣкъ не въ силахъ. А значить симфонія Бетховена, картина Рафаэля, романъ Мопассана, логика Гегеля, химія Менделѣева и т. п. — все это выше человѣческихъ отрицаній: мы можемъ ихъ отрицать сколько угодно, а они всегда будутъ неизбѣжнымъ проявленіемъ человѣческаго духа.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается сущность переживаемаго кризиса правосознанія.

Въ основу политической теоріи 19 вѣка легла идея, развитая Руссо въ его знаменитомъ „Общественномъ договорѣ“, а именно — идея народнаго суверенитета. Справедливая, священная воля народа, непогрѣшимая въ своихъ дѣйствіяхъ и даже въ своихъ желаніяхъ, — вотъ основной догматъ Руссо, которымъ онъ увлекъ свой вѣкъ и заставилъ всѣхъ вѣрить, что государство, построенное на общей волѣ, можетъ стать священнымъ отраженіемъ незыблемой правды. Эта общая воля заключается въ согласіи всѣхъ относительно общихъ предметовъ. Она ясна и легко обнаруживается: стоитъ только отнять у частныхъ волю

то, въ чемъ онѣ различаются—и тогда въ результатѣ получается общая воля, постоянная, незаблемая и чистая. Для Руссо проблема общей воли была простой и легко разрѣшимой. Какъ найти эту волю, кого считать призваннымъ къ ея выраженію, какъ выразить ее въ законѣ такимъ образомъ, чтобы онѣ былъ для всѣхъ и каждаго очевиднымъ и бесспорнымъ воплощеніемъ общей воли и притомъ вызывалъ подчиненіе себѣ въ силу внутренняго превосходства своего содержанія, какъ самоочевидная истина и неопровержимая справедливость? Для Руссо этихъ вопросовъ не существовало: онѣ былъ глубоко убѣжденъ, что *народъ въ его цѣломъ* всегда можетъ выносить общія рѣшенія справедливыя и выражающія общую волю. Но уже въ эпоху великой революціи доктрина Руссо была подвергнута испытанію и получились результаты неутѣшительныя. *Оказалось, что общая воля представляетъ собою загадку, что найти ее чрезвычайно трудно.* Это во-первыхъ, а во-вторыхъ оказалось что понятія *общей воли* и *справедливости* не покрываютъ другъ друга.

Руссо имѣлъ большое вліяніе на доктрину французской революціи: надъ всѣмъ ея ходомъ царить идея народной воли. Но вмѣстѣ съ идеей народнаго суверенитета революціонная доктрина приняла двѣ важныя идеи, находящіяся въ непримиримомъ противорѣчій съ ученіемъ Руссо, а именно—идею неотчуждаемыхъ правъ личности и идею представительства. Въ особенности вторая изъ этихъ идей имѣла большое значеніе въ смыслѣ испытанія доктрины Руссо. Мы видѣли что онѣ вѣрилъ въ *народъ въ его цѣломъ*, вѣрилъ, что вынесенныя народнымъ собраніемъ рѣшенія всегда справедливы; онѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ, возставалъ противъ представительства. Между тѣмъ знаменитый защитникъ представительства, Монтескье, прямо отрицаетъ пригодность народа къ обсужденію государственныхъ дѣлъ и постановленію справедливыхъ рѣшеній. По теоріи Монтескье, законодательная власть является не общей волей *народа*, а общей волей *государства*. Выражать эту волю должны тѣ, кто къ этому трудному дѣлу болѣе способенъ. Ясное дѣло, что теоріи Руссо и Монтескье—прямо противоположны, и сочетаніе въ одно цѣлое можетъ быть достигнуто только путемъ натяжекъ и противорѣчій. И вотъ въ эпоху великой революціи мы постоянно слышимъ патетическіе возгласы, о суверенномъ народѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе проводится въ жизнь принципъ, по которому народная, общая воля можетъ быть выражена *только* представительнымъ собраніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше обнаруживается, что задачей представительнаго собранія является не выражать *уже*

готовую и ясную народную волю, а находить ее и истолковывать совершенно самостоятельно и независимо отъ народа. Но вѣдь очевидно, что такое пониманіе представительства (господствующее до нашихъ дней) есть отрицаніе идеи народнаго суверенитета. И если до настоящаго времени у большинства теоретиковъ государственнаго права употребляется терминъ „народный суверенитетъ“, то этотъ терминъ имѣетъ совершенно особое значеніе, не совпадающее съ первоначальнымъ, кореннымъ его смысломъ. Какое это значеніе, сейчасъ увидимъ, а пока остановимся немного на причинахъ, обусловившихъ измѣненія смысла термина „народный суверенитетъ“.

Когда Руссо говорилъ, что въ законахъ отражается общая воля, онъ думалъ, что эта воля ясна и легко находима. Когда далѣе жизнь выдвинула представительныя учрежденія и сдѣлала ихъ органами для выраженія общей воли, думали точно также, что эти учрежденія всегда непогрѣшимо находятъ и выражаютъ народную волю. И то, и другое оказалось неправильнымъ. Источникъ общей воли — общественное мнѣніе. И вотъ, по единодушному отзыву всѣхъ изслѣдователей вопроса, обществ. мнѣніе оказывается 1) непрочнымъ и неустойчивымъ, 2) неопредѣленнымъ и неяснымъ и 3) не охватывающимъ область политическихъ вопросовъ во всей полнотѣ ихъ практической постановки. Фактъ чрезвычайно важный: каждый изъ органовъ, претендующихъ на выраженіе общественнаго мнѣнія, всегда исходитъ не изъ того, каково *есть* обществ. мнѣніе, а изъ того, какимъ оно *должно быть*.

Что касается представительныхъ учреждений, то очевидно, что они не могутъ быть выраженіемъ общей воли, общественнаго мнѣнія, если это обществ. мнѣніе само неясно, неустойчиво и неопредѣленно. Кромѣ того есть и другія причины, лежащія въ самихъ представительныхъ учрежденіяхъ, мѣшающія этимъ учрежденіямъ быть такъ сказать копіей всего народа, его зеркаломъ. Какъ извѣстно, теорія знаетъ не менѣе 150 избирательныхъ системъ. Уже это изобиліе говоритъ о чрезвычайной трудности создать идеальное представительство. Но если бы даже проблема идеальнаго представительства была найдена, то и тогда депутаты парламента не сдѣлались бы простымъ эхомъ голоса народа. Силою вещей представительныя учрежденія вырабатываютъ т. наз. общую волю совершенно самостоятельно, независимо отъ своихъ избирателей. И въ этомъ процессѣ опять таки силою вещей главную, преобладающую роль фактически играютъ лишь немногіе члены парламента при пассивномъ отношеніи остальныхъ.

Вотъ почему и въ наши дни, такъ же какъ и во время французской революціи слышатся протесты противъ „парламентской олигархіи, лишавшей народъ его верховныхъ правъ“. Но каждый не ослѣпленный партійными догматами наблюдатель, ясно увидитъ, что въ этихъ протестахъ ссылки на верховныя права народа, на народный суверенитетъ представляютъ собою одну лишь пустую декламацию. А когда поближе разобратъ сущность аргументаціи авторовъ этихъ протестовъ, то окажется, что и они, когда говорятъ о нуждахъ и желаніяхъ народа, основываются не на фактическихъ заявленіяхъ обществ. мнѣнія, а *тѣхъ или иныхъ принципиальныхъ началахъ. Изъ этихъ началъ они и выводятъ свои утвержденія.* Очевидно, что народная воля сама по себѣ но есть и не можетъ быть верховнымъ принципомъ. *Она нуждается въ сведеніи къ другимъ высшимъ началамъ.* Мы здѣсь опять подходимъ къ тому, что уже сказано раньше, а именно: терминъ «народный суверенитетъ», употребляемый до сихъ поръ въ наукѣ, имѣетъ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, котрый давалъ ему Руссо. И одинъ изъ новѣйшихъ приверженцевъ идеи народнаго суверенитета, французскій государствовѣдъ Эсменъ, пишетъ, что суверенная власть народа *должна согласоваться съ нормами справедливости и общаго блага.* Вы видите, что надъ общей волей сувереннаго народа здѣсь ставится уже высшій принципъ, съ которымъ эта воля должна согласоваться. Суверенная власть народа оказывается ограниченной, и несомнѣнная цѣнность идеи общей воли, воли народа, заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ видѣли ее первые теоретики, въ чемъ видятъ ее еще и теперь нѣкоторые партійные публицисты.—А если мы станемъ внимательно изучать старыя и новыя работы, относящіяся къ вопросу о границахъ, предѣлахъ общей воли, то увидимъ, что началомъ, ограничивающимъ всемогущество этой воли, является *личность съ ея абсолютнымъ значеніемъ, выведеннымъ изъ высшаго этическаго порядка, стоящаго надъ государствомъ.*

Но не надо думать, что понятіе личности всегда имѣло одно и то же содержаніе. И въ настоящее время теорія индивидуализма находится въ состояніи кризиса. Этотъ кризисъ наступилъ въ результатѣ долгой эволюціи, которую прошло понятіе личности съ конца 18 в. Вплоть до сравнительно недавняго времени личность бралась въ ея родовомъ понятіи, въ ея общей и отвлеченной основѣ, одинаковой у всѣхъ людей; эта была абстракція. Все частное, своеобразное, все то, чѣмъ одинъ человекъ отличается отъ другого, все оригинальное, отсѣкалось, какъ элементъ, мѣшающій гармоніи. Въ связи съ такимъ пониманіемъ личности находилось пониманіе

свободы и равенства: свобода есть право участія личности въ народномъ суверенитетѣ, а равенство обозначаетъ, что это право принадлежитъ всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Далѣе, въ связи съ такимъ пониманіемъ личности находилось воззрѣніе о полной гармоніи между личностью и государствомъ, а также вѣра въ государственныя учрежденія и законы, какъ единственное и вполнѣ надежное средство для достиженія общаго блага.

Правовое государство прежде всего освободило личность отъ установленій полицейскаго государства, отъ переживаній феодальнаго быта. Но, освобождая личность отъ старыхъ юридическихъ аномалій, новое государство исполнило только часть своей задачи. И свобода, и равенство могутъ быть поняты шире, проведены далѣе, чѣмъ это представлялось въ концѣ 18 столѣтія. Послѣдующая эволюція индивидуализма и заключается въ развитіи этихъ началъ, вытекающихъ изъ понятія личности. Развивая и углубляя начала свободы и равенства, политическая мысль 19 вѣка обнаружила, что эти начала не только находятся въ родствѣ, но также, что между ними есть существенное различіе. По отношенію къ началу свободы выяснилось прежде всего, что такъ называемая политическая свобода есть только средство для охраны индивидуальной свободы, личной независимости. Эта независимость, эта возможность самобытнаго и оригинальнаго развитія каждой отдѣльной личности представляется огромной цѣнностью. Противъ посягательствъ на нее со стороны государства необходимы гарантіи (вы видите, что уже разрушена вѣра въ полную гармонію между личностью и государствомъ).

Опасность, и опасность серьезная для личной свободы грозитъ, какъ оказалось, со стороны другого начала, демократическаго начала равенства; это начало, развиваясь, понималось уже не такъ, какъ въ исходномъ пунктѣ: не только равное участіе всѣхъ въ народномъ суверенитетѣ, но и всеобщее уравненіе во всѣхъ отношеніяхъ,—вотъ чего добивались страстные приверженцы этого начала. Отсюда новый рядъ требованій, новыя исканія, направленныя на согласованіе началъ свободы и равенства. Въ результатѣ этихъ исканій появлялись иногда пессимистическія предсказанія. Такой сильный умъ, какъ Спенсеръ, говорилъ напр., о грядущемъ рабствѣ, которое наступитъ для человѣка благодаря всеобщей демократизаціи, т. е. развитію принципа равенства. Нельзя не сказать, что въ словахъ Спенсера есть очень большая часть истины.

Но винить во всемъ государство нельзя. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ изъ данныхъ имъ обѣщаній оказываются выполнимыми

силами государства. Чѣмъ дальше идетъ впередъ исторія культуры, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что тотъ политическій оптимизмъ, которымъ были охвачены первые дѣятели праваго государства, есть иллюзія. Нельзя *всего* достигнуть при помощи права и государства. При всей своей важности право нуждается въ восполненіи его другими началами.

Съ другой стороны нельзя утверждать, что если государство не разрѣшило многихъ изъ поставленныхъ ему жизнью задачъ, то оно уже никогда ихъ не разрѣшитъ. Мы видѣли, что понятія свободы и равенства эволюціонируютъ; а въ связи съ этимъ подвергается соответствующимъ измѣненіямъ дѣятельность государства. Мы теперь уже не говоримъ о матеріальномъ равенствѣ въ смыслѣ раздѣленія между всѣми поровну наличныхъ благъ; но мы не можемъ довольствоваться и чисто формальнымъ понятіемъ равенства передъ закономъ, такъ какъ при такомъ равенствѣ совершаются самые возмутительные акты эксплуатаціи личности. Новая политическая мысль начинаетъ вырабатывать понятіе равенства въ смыслѣ „равенства исходнаго пункта“, т. е. государство должно создать для всѣхъ равныя общественныя условия, благопріятствующія всестороннему и гармоническому развитію личности. Не государственное *вмѣшательство* и *опека*, а государственное *содѣйствіе*,—вотъ настоящее имя соціальному законодательству.

Но, призывая государство къ такому содѣйствію, ставя государству новыя задачи, современная политическая мысль энергично подчеркиваетъ, что это *только содѣйствіе*: главный творческій факторъ есть личная энергія, личная свобода и инициатива. Личность теперь понимается шире и глубже, чѣмъ въ 18 столѣтіи: это уже не абстракція, не родовое понятіе, гдѣ отбѣкается все своеобразное, все чисто индивидуальное, оригинальное, а это—*личность во всей полнотѣ ея проявленій, какъ монада по своему, единственно ей свойственнымъ образомъ, отражающая въ себѣ міръ*.

Привести въ гармонію всѣ новыя требованія, разрѣшить всѣ задачи, возникшія на почвѣ указанныхъ измѣненій, современному государству еще не удалось; это дѣло чрезвычайно сложное и трудное. Но государство выработало нѣсколько идей большой цѣнности, и эти идеи составляютъ прочный фундаментъ для будущаго зданія. Современный кризисъ правосознанія приведетъ къ расширенію и углубленію идеи праваго государства, а не къ ея уничтоженію. А общественные идеалы, которые предлагаются на смѣну праваго государства, могутъ оказать большую

пользу въ этомъ процессѣ расширенія и углубленія. Каждый изъ этихъ важнѣйшихъ идеаловъ — социализмъ, анархизмъ и теократія, — самъ по себѣ есть односторонность и не можетъ выдержать критики; *но каждый войдетъ, какъ необходимый элементъ высшаго синтеза предстоящей эволюціи праваго государства.* Наименѣе совершенный идеаль — социализмъ — дастъ много цѣннаго будущему государству въ смыслѣ расширенія его дѣятельности и осуществленія идеи равенства. Анархизмъ, не смотря на всю его утопичность, даетъ еще болѣе цѣнное — въ смыслѣ сведенія къ возможному минимуму темныхъ сторонъ власти, развитія источника всякаго движенія впередъ — личности и осуществленія идеи свободы. Но кромѣ свободы и равенства освободительный лозунгъ французской революціи заключалъ въ себѣ третій членъ — братство. Идея братства до настоящаго времени оказывала весьма незначительное вліяніе на государство, но съ уясненіемъ ея сущности, она будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и обѣ ея сестры, а быть можетъ и больше. И вотъ третій изъ предлагаемыхъ социальныхъ идеаловъ — теократія, (въ своемъ чистомъ видѣ такъ же непріемлемый, какъ и оба предыдущіе), дастъ будущему государству огромную цѣнность въ смыслѣ осуществленія великой идеи братства. Церковь уже много сдѣлала для прогрессивнаго движенія культуры, а въ будущемъ, вѣроятно, еще болѣе сдѣлаеть. Конечно, не такая црковь, которая зажигала костры инквизиціи, которая благословляла насиліе, принимала дѣятельное участіе въ партійной политической борьбѣ, а церковь въ идеальномъ своемъ значеніи, какъ организація, вызванная глубочайшей потребностью челоуѣческаго духа — религіей, которая всегда была и будетъ абсолютной цѣнностью.

Насколько глубоко коренится въ духѣ челоуѣка религія, видно изъ того, что люди, отрицающіе настоящую религію, т. е. вѣру въ реальность абсолютно-цѣннаго, вѣру въ космическое, сверхчелоуѣческое значеніе высшихъ цѣнностей, создаютъ себѣ и религію и догматы для своего маленькаго поля дѣятельности. При этомъ они сплошь и рядомъ бывають фанатиками признаваемыхъ ими догматовъ, готовыми веѣмъ для нихъ пожертвовать. Достаточно указать, какъ на наиболѣе типичный примѣръ, на значительную часть русской интеллигенціи, „духовно высокемѣрной и идейно нетерпимой“, поклоняющуюся разнымъ созданнымъ ею идоламъ.

Въ связи съ религіей находится философія, безъ помощи которой нельзя построить болѣе или менѣе удовлетворительнаго міровоззрѣнія. Въ этой области можно съ чувствомъ большаго удовлетворенія констатировать все болѣе и болѣе усиливающіяся идеали-

стическія теченія. Возрожденіе метафизики идеализма—самое крупное и важное явленіе современной культуры, богатое благотворными послѣдствіями: вмѣстѣ съ пробудившимися религиозными стремленіями оно послужитъ важнѣйшимъ факторомъ грядущей культуры, оно спасетъ насъ отъ той бездны, куда влечетъ насъ партійная „наука“ съ ея догматами.

Грядущая культура не можетъ быть чѣмъ-то принципиально новымъ, отдѣленнымъ отъ современной непроходимой пропастью. Настоящее есть результатъ прошедшаго и основа для будущаго. Но подобно тому какъ мы безконечно далеко ушли отъ нашихъ предковъ—людоѣдовъ, такъ и наши потомки безконечно далеко уйдутъ отъ насъ въ смыслѣ развитія челоѣчности, одухотворенія всей жизни и развитія культурныхъ благъ. Сейчасъ, не смотря на всю нашу культуру, все еще царствуетъ Гоббесовское *homo homini lupus*, и Уэльсъ имѣлъ весьма много данныхъ для своей безпощадной характеристики, приведенной въ началѣ лекціи. Должно пройти еще много времени, чтобы гоббесовская формула замѣнилась бы формулой *homo homini frater*. А такъ какъ исторія культуры не есть чисто-органическій процессъ, а совершается при самомъ дѣятельномъ участіи челоѣка, то мы нравственно обязаны не сидѣть сложа руки, а неустанно работать надъ приближеніемъ челоѣчества къ завѣтной цѣли—всобщему братству, иначе могутъ осуществиться мрачныя предсказанія на счетъ гибели всей культуры: для этого есть слишкомъ много темныхъ силъ.

Государство можетъ многое сдѣлать для приближенія челоѣчества къ конечной цѣли; а т. к. оно можетъ дѣйствовать только посредствомъ своихъ органовъ, а эти органы суть въ концѣ концовъ люди, то отсюда ясна громадная важность образованныхъ, стоящихъ на высотѣ своей задачи работниковъ и прежде всего юристовъ, какъ служителей великой идеи справедливости.

Въ частности, — русскому студенчеству пора стать на одинъ уровень со студенчествомъ европейскимъ, много, серьезно и упорно работающихъ надъ приобрѣтеніемъ знаній, надъ добросовѣстной подготовкой свой къ предстоящей культурной работѣ. Нашему отечеству болѣе, чѣмъ какой либо другой странѣ нужны культурные работники высшаго порядка и обязанности русскаго студенчества передъ страной и передъ наукой очень велики. Пора перестать поклоняться идоламъ, пора понять все значеніе высшихъ духовныхъ цѣнностей, пора понять и огромное значеніе того начала, которое такъ низко стоитъ въ Россіи,—начало законности, *известной внешней дисциплинированности*, пора проникнуться убѣжденіемъ, что никакой другой

задачи передъ студенчествомъ нѣтъ, кромѣ большого труда надъ чисто-научной подготовкой и приобщеніемъ къ высшей духовной жизни, для того чтобы потомъ быть духовными обновителями русской интеллигенціи, такъ долго идущей по ложному пути.

Позволю себѣ прочесть вамъ одно мѣсто изъ книги, только что появившейся и по заслугамъ обратившей на себя всеобщее вниманіе. Эта лучшая изъ всѣхъ русскихъ книгъ за послѣдніе годы называется „Вѣхи“. „И къ философіи, какъ и къ другимъ сферамъ жизни, у насъ преобладало демагогическое отношеніе; споры философскихъ направленій въ интеллигентскихъ кружкахъ носили демагогическій характеръ и сопровождались недостойнымъ поглядываніемъ по сторонамъ съ цѣлью узнать, кому что нравится и какимъ инстинктамъ что соотвѣтствуетъ. Эта демагогія деморализуетъ душу нашей интеллигенціи и создаетъ тяжелую атмосферу. Развивается моральная трусость, угасаетъ любовь къ истинѣ и дерзновеніе мысли. Заложенная въ душѣ русской интеллигенціи жажда справедливости на землѣ, священная въ своей основѣ жажда, искажается. Моральный падежъ вырождается въ мономанію. „Классовыя“ объясненія разныхъ идеологій и философскихъ ученій превращаются у марксистовъ въ какую-то болѣзненную навязчивую идею. И эта мономанія заразила у насъ большую часть „лѣвыхъ“. Дѣленіе философіи на пролетарскую и буржуазную, на лѣвую и правую, утвержденіе двухъ истинъ—полезной и вредной,—все это признаки умственного, нравственного и общекультурнаго декаданса. Путь этотъ ведетъ къ разложенію общеобязательнаго универсальнаго сознанія, съ которымъ связано достоинство человѣчества и ростъ его культуры“.

Неуклонно, систематически, капля за каплей проводя въ жизнь начала законности, правды, гуманности, справедливости, уваженія къ личности, работая надъ осуществленіемъ идей истины, добра и красоты, содѣйствуя накопленію культурныхъ благъ, мы выполняемъ свое нравственное назначеніе, мы даемъ цѣнность жизни, мы исполняемъ волю Пославшаго насъ. Путь этотъ тернистъ и труденъ, масса искушеній отвлекаетъ насъ отъ него, темныя силы влекутъ насъ за собой, звѣрь въ человѣкѣ постоянно стремится стать полнымъ господиномъ. Но уже достигнутое служить намъ залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ, и при помощи трехъ великихъ силъ,—религіи, искусства и науки,—человѣчество въ концѣ концовъ увидитъ осуществленіе евангельскаго предсказанія о единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ, предсказанія „въ осуществленіе котораго вѣрили и вѣрятъ лучшіе умы человѣчества“.

Мѣсяць тому назадъ трагически умеръ одинъ изъ выдающихся европейскихъ ученыхъ, проф. Грацскаго университета Л. Гумпловичъ. Это былъ крупный, оригинальный умъ, ученый, обладающій колоссальной эрудиціей, профессоръ съ образцовой научной добросовѣстностью и искренностью: онъ никогда не унизился до того, чтобы позволять себѣ писать, или говорить съ кафедры что нибудь несогласное съ его научнымъ мировоззрѣніемъ. Все это вызвало уваженіе къ нему даже со стороны многочисленныхъ его научныхъ противниковъ. Я не могу согласиться съ сущностью его социологическихъ теорій, такъ какъ Гумпловичъ съ его матеріализмомъ, теоріей борьбы расъ, отрицаніемъ самостоятельнаго значенія права и сведеніемъ права къ силѣ, принадлежитъ къ направленію, принципиально противоположному защищаемому мною идеализму. Но все это не помѣшало ему въ глубинѣ души стремиться къ идеальнымъ началамъ и страстно жаждать ихъ осуществленія. Невольно вспоминается знаменитое Галилеевское *e pur si muove!* Я закончу настоящую лекцію тѣмъ, что прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ его книги „Основы социологіи“, и этимъ думаю наилучшимъ образомъ почтить память покойнаго ученаго. „Рѣшеніе этой задачи—высшая цѣль государства, къ которой оно стремится сознательно или бессознательно, и, хотя бы ее никогда не суждено было вполне достигнуть, все таки нельзя представить себѣ болѣе глубокаго оправданія для государства, какъ это его назначеніе — работать надъ воспитаніемъ человѣчества для высшей морали. Идеаль этой морали не можетъ исчерпываться національнымъ чувствомъ, которое есть ничто иное, какъ усложненное чувство орды: оно должно обнять по меньшей мѣрѣ все цивилизованное и способное къ цивилизаціи человѣчество. Путь къ осуществленію этого идеала можно открыть образованіемъ системы государствъ такъ называемой европейской, которая современемъ растворитъ сперва европейское человѣчество въ одно, хотя и не крѣпко сплоченное социальное единство, послѣ чего этотъ процессъ можетъ распространиться на другія части свѣта. И хотя осуществленіе этого идеала лежитъ въ непредвидимой дали будущаго, - цивилизованное человѣчество должно крѣпко держаться за него, если оно не хочетъ совсѣмъ погибнуть въ слѣпомъ естественномъ процессѣ,— и, конечно, лучшая часть задачи социальной науки—констатировать тотъ трудный путь, по которому человѣчество, истекая кровью, идетъ къ своей далекой цѣли“.—

